

РАЗДЕЛ IV. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

История Древнего мира и Средних веков

УДК 903.05

Авилова Л.И.

Институт археологии Российской академии наук (г. Москва)

О СИМВОЛИКЕ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ РЕПЛИК ОРУДИЙ ТРУДА (ПО МАТЕРИАЛАМ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА ЭПОХИ БРОНЗЫ)*

L. Avilova

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow

CONCERNING THE SYMBOLIC MEANING OF METAL TOOLS REPLICAS (ON THE BRONZE AGE MATERIALS FROM THE NEAR EAST)

Аннотация. В статье рассматриваются археологические находки с территории Ближнего Востока, относящиеся к эпохе бронзы. Специфическая группа металлических изделий из элитарных погребений включает нефункциональные реплики орудий труда, изготовленные из ценных материалов, в том числе драгоценных металлов. Рассматриваемые предметы делятся на две группы – имитации плотницких орудий (мужской набор) и веретена (женский набор). Для выяснения символики находок привлекаются древние тексты и изображения. Анализ материалов свидетельствует, что изготовление символических реплик орудий из ценных материалов было характерной чертой идеологии в раннеклассовых обществах Ближнего Востока. Такие вещи визуализировали иерархическую структуру общества. Их нахождение в погребениях лиц высокого социального ранга раскрывает социально-знаковый аспект этих «орудий труда», указывая на важнейшую функцию правителя как организатора строительных работ и гаранта общественного порядка в городах-государствах Древнего Востока.

Ключевые слова: Ближний Восток, бронзовый век, археологические памятники, погребальный обряд, реплики орудий труда, символика.

Abstract. The paper considers a series of archaeological finds from the Near East dating from the Bronze Age. Specific group of metal objects from the outstanding burials includes non-functional replicas of tools made of valuable materials, including noble metals. The finds are divided into two sets related to man's and woman's activity – carpenter tools and spindles. To interpret their symbolism the author draws ancient written texts and images. The analysis evidences that making symbolic replicas of tools using valuable materials was a characteristic feature of ideology in the early class societies of the Near East. Such artifacts visualized hierarchical social structure. Their presence in the burials of persons of high social rank points to the social significance of the replicas ritually used by the ruler as the organizer and keeper of social system in the Near Eastern city-states.

Key words: Near East, Bronze Age, archaeological sites, burial rite, tools replicas, symbolism.

---

* © Авилова Л.И.

Важнейшее место в системе познания и мышления населения древнего мира занимает религия, не важно, стройные ли это религиозные системы или примитивные несистематизированные верования. Без учета религиозных воззрений культура как система общественных отношений, нормативных запретов и предписаний не может быть адекватно понята. Законы, обычаи, ритуальные практики в древних обществах часто представляются не только непонятными, необъяснимыми, но и противоположными тому, что кажется нам естественным и само собой разумеющимся.

Если же обратиться к религиозно-мифологическим представлениям, то во многих случаях факты складываются в систему, становятся объяснимыми. Таким образом, при изучении фактов и явлений следует помещать их в контекст понятий древних о Вселенной, человеке, обществе, жизни и смерти, загробном существовании, сверхъестественных силах, управляющих миром и судьбой человека. В этом случае можно установить связь между верованиями и древними нормативными системами и обрядами [8], полнее понять вещественные источники, с которыми имеет дело археология. При исследовании отдаленных эпох и бесписьменных культур можно найти выход в применении сравнительно-исторического метода и исторической ретроспекции.

В данной работе предлагается реконструкция некоторых аспектов идеологии древних обществ Ближнего Востока в эпоху бронзы (IV-III тыс. до н. э.). Автор обращается к археологическим находкам, изобразительным материалам и древним текстам. Особое внимание уделяется металлическим изделиям, поскольку металл в древности был одним из наиболее ценных материалов, он добывался со значительными затратами труда не только для внутреннего потребления, но и для обмена, служил эквивалентом ценности и использовался для изготовления символически значимых предметов, таких, как парадное оружие, символы власти [1].

В ряде элитарных археологических комп-

лексов IV и III тыс. до н. э. с территории Месопотамии, Сирии и Анатолии, присутствуют особо ценные и символически значимые металлические предметы.

При исследовании погребального инвентаря Царского некрополя Ура в Южной Месопотамии [17] была выделена специфическая группа находок, по форме соответствующих орудиям труда, но изготовленных из драгоценных металлов. Они были обнаружены в могилах лиц наиболее высокого социального ранга – царей и членов царской семьи. В состав инвентаря погребения 580, известного как «погребение принцессы», входило парадное оружие (золотой кинжал и копье из электра, бронзовый втульчатый топор), а также набор плотницких инструментов: золотое втульчатое тесло (рис. 1: 3), два золотых долота и одно бронзовое, а также бронзовая пила [17, табл. 165, 229].

В могиле 800, известной как погребение царицы Шубад/Пуаби, также представлен набор плотницких инструментов. Это несколько бронзовых пил и одна золотая (рис. 1: 7), пять золотых долот (рис. 1: 4), бронзовое сверло и втульчатое тесло [17, табл. 158b].

В захоронении царя Мескаламдуга (погребение 755) также наряду с оружием из золота и электра найдена бронзовая пила.

Фиксируется и факт культового использования обычных бронзовых плотницких орудий. На храмовом участке раннединастического городского поселения Телль Хазна 1, исследованного российской экспедицией в Северо-восточной Сирии, обнаружен клад бронзовых плотницких орудий [5, 15]. В состав комплекса входили два тесла разных типов, долото с желобчатым рабочим краем, орудие типа стамески, а также черенковая пила (рис. 1: 8-11). Сочетание драгоценных царских регалий с плотницким инструментарием имеет место и в находках Анатолии: в кладе А из Трои II наряду с двумя золотыми диадемами, драгоценными украшениями, сосудами и др. присутствуют несколько тесел и бронзовая пила [16, № 6157].

Почему среди оружия, украшений и символов власти шумеры и их соседи помещали

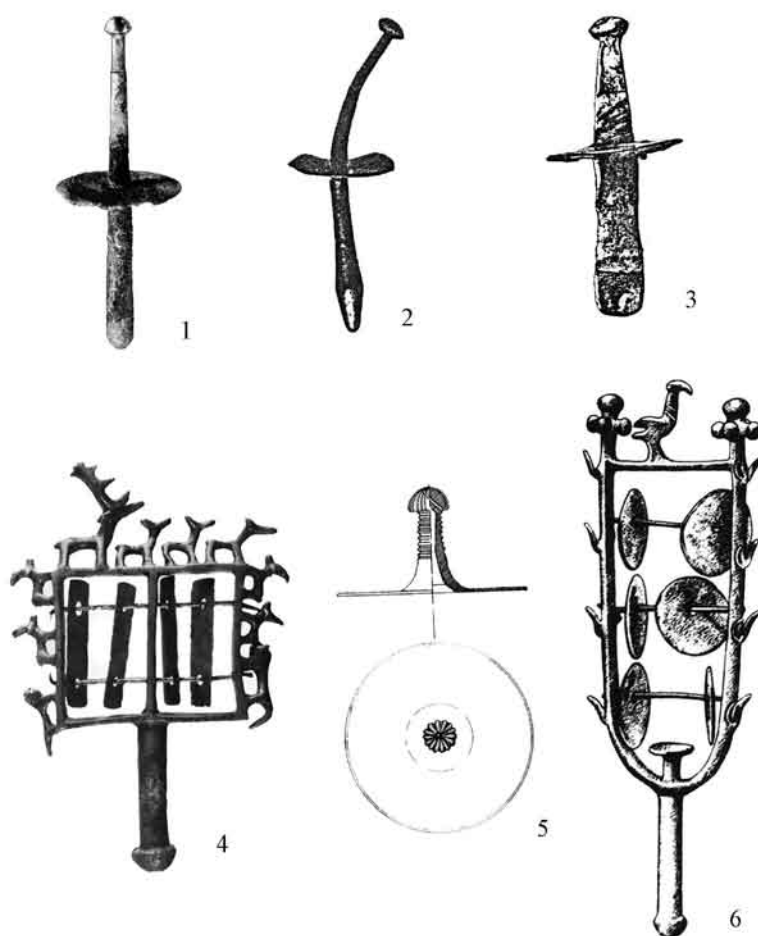

Рис. 1. Сцены строительства и плотницкие орудия из памятников эпохи бронзы Месопотамии и Сирии.

1 – фрагмент статуи Гудеа, правителя Лагаша (XXII в. до н.э.); 2 – царь Ура Урнамму в виде строителя; прорисовка изображения на стеле Урнамму (XXII-XXI вв. до н.э.); 3 – прорисовка изображения на цилиндрической печати раннединастической эпохи из Месопотамии; строительство храма-зиккурата; 4-7 – Царский некрополь Ура; 8-11 – клад на храмовом участке Телль Хазны 1.

1 – диорит; 4, 6, 7 – золото; 5 – серебро; 8-11 – бронза.

в могилы царей и членов царской семьи наборы плотницких орудий? Изготовление царских регалий и парадного оружия из золота вполне логично, но реплики ремесленных орудий из драгоценного металла, не предназначенные для практического употребления, должны иметь иной смысл. Для его понимания важно, что рассматриваемые находки происходят в основном из погребений. На наш взгляд, при трактовке подобных находок следует обратиться к религиозно-мифологическим взглядам древнего населения, в

частности, к явлению тесного переплетения культа мертвых и культа плодородия. Из мифологии многих древних народов известно, что при несоблюдении погребальных ритуалов лишенная жилища и приношений душа становилась злобным духом, способным насыпать бедствия – болезни, неурожай, падеж скота и пр. [6; 7]. (Подобные верования удержались вплоть до начала XX в. и зафиксированы этнографией – см. материалы о «заложенных покойниках» – [3]). И наоборот, характерной чертой древних религий явля-

лась вера в то, что при соблюдении погребальных обрядов умерший превращался в покровителя, подателя благ, божество, умножавшее благополучие и плодородие. В соответствии с этим основной целью культа мертвых было обеспечение благополучия живых потомков (семьи и шире – общины, города, государства). Эти идеи стоят в тесной связи с явлением обожествления предков, зафиксированным в шумерской литературе: так, отец героя Гильгамеша правитель Урук Лугальбанда последовательно называется богом [9, 44]. Традиция обожествления предков отражена в античной литературе. У Еврипида Альцеста при виде гробницы восклицает: «Ты, ставший под землей богом, будь ко мне милостив!» [Еврипид, Альцеста, 1004]. О том же говорит Цицерон: «Это люди, покинувшие жизнь; считайте их за существа божественные» [Цицерон, О законах, II, 9].

Изготовление орудий труда, не пригодных для практического применения, предполагает обрядовое участие его владельцев в каких-то работах. Анализ контекста комплексов, содержащих реплики плотницких инструментов, изготовленных из драгоценных металлов, привлечение древних письменных источников и изобразительных материалов позволяют утверждать, что, начиная с раннединастического периода в Месопотамии и тесно связанной с ней общим направлением культурного развития Анатолии, строительная деятельность осмыслялась как важнейшая функция обожествляемого правителя – царя-жреца (термин П. Амье) по поддержанию жизни городской общины и миропорядка в целом. Поэтому «орудия», предназначенные для использования в религиозных церемониях, могли изготавливаться из драгоценного металла, как и символы царской власти. Высокий символический смысл плотницких инструментов вытекает также из того, что они служили атрибутами божеств: так, солнечный бог Шамаш изображался с пилой.

Благодаря дошедшим до нас шумерским и аккадским текстам мифологического содержания имеется возможность провести па-

раллели между археологическими, изобразительными и литературными материалами с целью выяснения семантики тех или иных предметов. Специфический набор металлических изделий из элитарных погребений эпохи бронзы указывает на комплекс представлений, объединяющих понятие царской власти с определенными видами трудовой деятельности.

В шумеро-вавилонской мифологии яркое выражение получила тема преодоления первоначального хаоса, создание упорядоченной вселенной, а также человека творцом-демиургом (в этой роли выступают боги Энлиль и Энки). Роли Энки как устроителя, насадившего цивилизацию и порядок на земле Шумера, посвящен шумерский текст «Энки и мировой порядок». Бог мудрости Энки дает людям основы цивилизации, законы жизни человечества («ме»). Среди этих основополагающих понятий перечисляются: власть богов, власть царя, царский трон, знаки царской власти, жреческие должности, мир, правосудие, и, что важно для данной темы, искусство обработки дерева, искусство обработки металла, ремесло строителя. Бог Энки сам закладывает фундаменты, делает форму для сырцового кирпича и строит дома, хлева и овчарни.

Ту же функцию упорядочения обитаемого мира выполняют и культурные герои. Так, герою Энмеркару приписывалось изобретение письменности, а герой Гильгамеш положил начало градостроению, построив оборонительную стену вокруг Урука.

Шумерские боги не только символизировали творящие силы природы, они являлись покровителями местных общин. Соединение этих идей проявлялось в слиянии представлений о власти военного вождя («эна»), впоследствии царя, с функциями верховного жреца.

Лидера месопотамского города-государства рубежа IV – III тыс. и первой половины III тыс. до н. э. можно обозначать термином вождь-жрец в соответствии с его основными общественными функциями. Он контролировал сбор сельскохозяйственных продук-

тов, предназначавшихся для поддержания культа богов и строительство храмов, нес ответственность за функционирование ирригационных систем, обеспечивавших избыток сельскохозяйственной продукции и накопление ресурсов для обмена, участвовал в организации ремесленной деятельности, также во многом концентрировавшейся вокруг храма. Все это углубляло дифференциацию общины и требовало идеологического осмысления власти вождя как божественного установления, направленного на существование и процветание общины [2, 142].

Строительный аспект деятельности царя считался столь же существенным, как защита от врагов и обеспечение процветания народа. До нас дошли строительные надписи правителя города Лагаша Гудеа (XXII в. до н. э.), где подробно повествуется об обновлении храма покровителя города бога Нингирсу:

«... Правитель сидел с мастерами, кующими серебро,

Украшая Энинну (святилище) драгоценными камнями,

Он сидел с ювелирами, строил из меди и олова,

Нинтуркаламма (богиня) перед ним

Управляла ремесленниками и литейщиками» [10, 408].

Сохранилась статуя Гудеа, где он представлен в роли архитектора: правитель держит на коленях плиту с четко и геометрически правильно изображенным планом храма (рис. 1: 1). Известно и изображение Урнамму, царя 3-й династии города Ура (XXI в. до н. э.) в роли строителя: он несет за плечами набор строительных инструментов – топор с длинной рукоятью, корзину для переноски кирпича, измерительный циркуль, черпак для строительного раствора (битума), мастерок-кельму (рис. 1: 2).

Очевидно, что строительство, прежде всего сооружение храмов, считалось в древней Месопотамии, начиная по крайней мере с раннединастического периода, важнейшей сферой деятельности вождя-жреца, обожаемого правителя, имеющего целью поддержание жизни городской общины и

укрепление всего мирового порядка.

Приведу некоторые сведения из шумерского и аккадского текстов эпоса о Гильгамеше и некоторых других литературных произведений этого времени (III – II тыс. до н. э.). Гильгамеш – мифологический персонаж, реальным прототипом которого был один из царей первой династии Урука (первая половина III тыс. до н. э.). Важным мотивом поступков героя является строительство, добыча и обработка дерева. Так, миф «Гильгамеш и гора бессмертных» представляет собой рассказ о путешествии героя в сопровождении дружины в дальнюю горную страну с целью привезти в Урук священные кедр:

«Он сам вырвал с корнем первое дерево,

Сыны города, его спутники,

Обрубили ветви, закрепили веревки,

Отнесли его к подножию горы» [4, 213-214].

Повесть «Гильгамеш, Энкиду и подземный мир» также содержит сведения о ценном дереве и изготовлении из него различных предметов [4, 228-229].

Клинописные тексты конца III тыс. до н. э. указывают на горы Ливана, Амана и г. Хеврон как источники древесины, в более поздних текстах упоминаются также районы восточного Тавра и Загра [14, 350-351]. Доставка бревен происходила различными способами: на телегах, по воде, на плотах и лодках, причем бревна привязывали к лодке. Существуют сведения о том, какие породы дерева доставлялись в Месопотамию: можжевельник, кедр, сосна, кипарис, дуб, пальма, тamarиск и тополь. Древесина употреблялась на различные детали построек, в частности, перекрытия, связи стен, колонны, двери, внутреннее убранство помещений [14, 355-361].

Текст «Энмеркар и правитель Аратты» посвящен строительству храма правителем города Урука [4, 32-40]. Текст повествует об обмене между героем Энмеркаром и властелином расположенной на севере горной страны Аратты, богатой золотом, серебром и камнем. Основной мотив рассказа – необходимость постройки в священном месопотамском городе Эриду храма для бога воды

Энки. Царь Энмеркар обращается с мольбой к богине Инанне:

«О, сестра моя Инанна! Сделай так, чтобы жители Аратты

Искусно выделывали золото и серебро для Урука,

Чтобы они приносили благородный лазурит,

Извлеченный из скал...».

В обмен на строительный и поделочный материал царь посылает в Аратту караван вьючных животных, нагруженных зерном, радостно встречаемый в горной стране.

Из текста видно, что жители Двуречья довольно хорошо представляли себе процесс добычи металлов:

«Пусть жители Аратты

Принесут со своих высот горные камни

И построят для меня большой храм, большое святилище, ...

Когда добудут золото из руды,

Когда добудут серебро из пыли, ...

Укрепят вьюки на горных ослах».

Сцена строительства ступенчатого храма-зиккурата имеется на цилиндрической печати раннединастической эпохи (рис. 1: 3). Факт помещения данной сцены на знаке власти, каким являлась печать, усиливает сакральный характер изображения, подчеркивает связь процесса строительства с религиозным и властным аспектом жизни города.

Еще одна священная обязанность в строительной деятельности царя-жреца – сооружение городских укреплений. Не случайно в аккадской версии эпоса о Гильгамеше его герой, потрясенный мыслью о неизбежности смерти, после длительных поисков бессмертия возвращается в Урук, где находит утешение при виде построенной им городской стены [9, 82].

Итак, строительная деятельность правителей Месопотамии раннединастического и последующих периодов, прежде всего сооружение и украшение храмов, обосновывается как важнейшая функция царя-жреца по поддержанию жизни города и миропорядка в целом. Поэтому ремесленные орудия, предназначенные для исполнения царем, члена-

ми царской семьи религиозных ритуалов, изготовлялись из драгоценного металла, как и высшие символы царской власти – оружие, диадемы, украшения и пр. и включались в круг таких символов. Это тем более очевидно, что личность царя обожествлялась: ему приписывалось происхождение от бога или богини, сам он после смерти мог становиться местным божеством-героем (как в случае с Гильгамешем).

Обратившись к проблеме символики предметов, имитирующих орудия труда, рассмотрим еще одну группу реплик, изготовленных из ценных материалов. Это небольшая серия находок из памятников бронзового века Анатолии.

Из нескольких элитарных комплексов середины – второй половины III тыс. до н. э. происходят своеобразные металлические предметы. Они представляют собой стержни 10-15 см длиной с надетыми на них дисками. Вещи изготовлены из металлов, в том числе драгоценных. Авторы раскопок определяют их как веретена с пряслицами.

Среди упомянутых комплексов три гробницы Царского некрополя Аладжахейюк в Центральной Анатолии. Погребение L содержало серебряное веретено с верхней частью, обтянутой золотой фольгой и диском-пряслищем овальной формы [12, 169, табл. 197, 1] (рис. 2: 1); в погребении H найдено такое же веретено, но из бронзы [12, 169, табл. 136]; в погребении A bis также найдено бронзовое веретено [11, 178, рис. 21]. По крайней мере часть погребений, из которых происходят данные находки, идентифицируются как женские по набору инвентаря. Так, гробница H содержала две женские статуэтки, золотой гребень, несколько так называемых «кастаньет» – металлических дисков с полыми вертикальными ручками, обычно находимых парами (их считают ударными музыкальными инструментами типа тарелок).

Два веретена происходят из разграбленного царского некрополя Хорозтепе в Центральной Анатолии. Одно изготовлено из электра, верх его покрыт золотой фольгой. На стержне находится овальный диск – прясли-

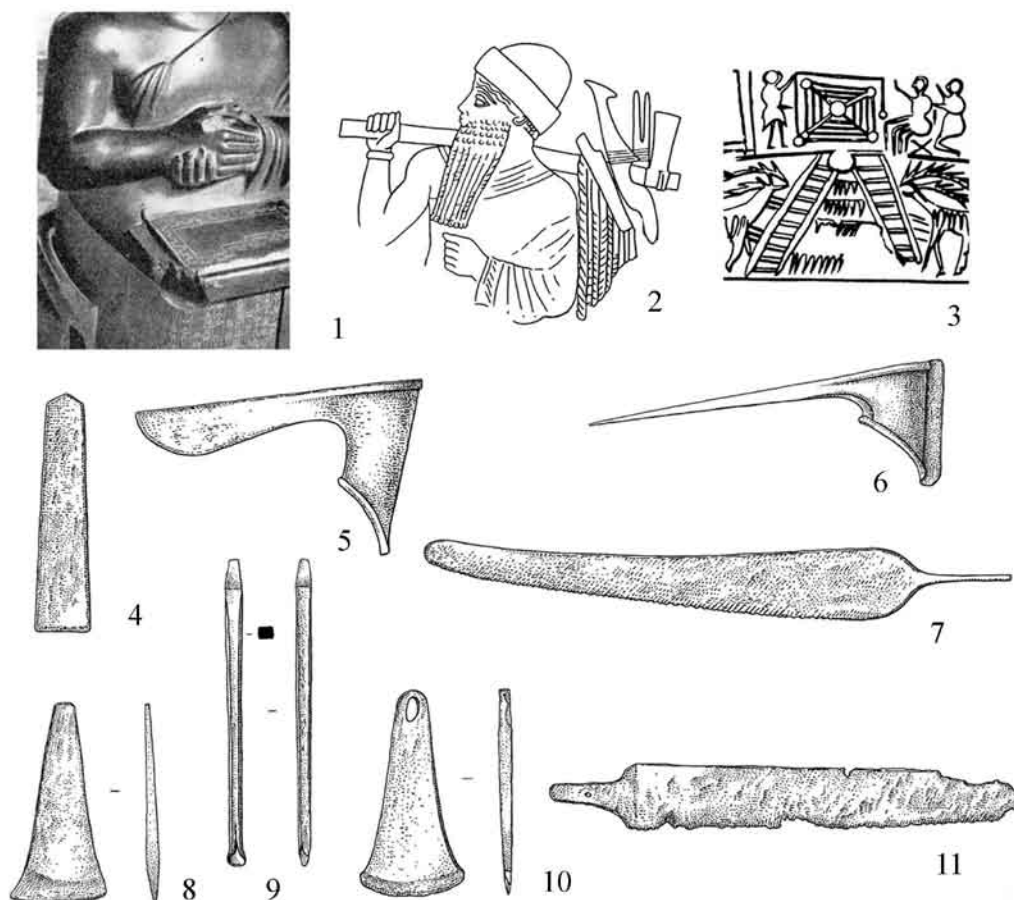

Рис. 2. Археологические находки из памятников бронзового века Анатолии.

1 – веретено из могильника Аладжашейюк, погребение L (серебро, золотая фольга); 2, 3 – веретена из могильника Хорозтепе (2 – бронза, 3 – электр и золотая фольга); 4, 6 – «систры» из могильника Хорозтепе (бронза); 5 – «кастаньета» из могильника Хорозтепе (серебро).

це [15, табл. 8, 2] (рис. 2: 3). Второе веретено бронзовое, оно состоит из круглого в сечении стержня с коническим утолщением на конце [15, табл. 8, 3] (рис. 2: 2). Среди находок из этого могильника также имеются музыкальные инструменты – «кастаньеты» (тарелки) (рис. 2: 5) и «систры». Последние представляют собой сложную конструкцию в виде рамы с поперечными стержнями, на которые надеты подвижные пластины или диски, звенящие при встряхивании (рис. 2: 4, 6).

Представляется, что мы имеем дело с тем же явлением изготовления реплик орудий

труда из ценных материалов – бронзы и драгоценных металлов, – что и в случае с плотницкими инструментами (в быту веретена делали из дерева). Они являются своеобразным «женским» аналогом «мужского» набора символически насыщенных предметов, знаков высокого социального статуса, куда помимо веретен могли входить и музыкальные инструменты.

Изобретение прядения и ткачества относится к достижениям неолитической эпохи. Древнейшие находки тканей происходят из Чатал Гююка, погребение в слое VI [13,

88, рис. 57]. С тех пор и до Нового времени прядение было одним из основных занятий женщины в сфере домашнего производства и осмыслялось как таковое, причем эта идея была универсальной, она присутствует в идеологических представлениях разных эпох и культур. Разделение труда на мужскую и женскую сферы мыслится как изначальное, общечеловеческое явление, и в ней женщине отводится роль пряжи. Эта идея отражена в античном мифе о соперничестве Арахны с Афиной в искусстве прядения. Библия включает прядение в перечень занятий рачительной хозяйки дома: «Кто найдет добродетельную жену? Цена ее выше жемчуга... Протягивает руки свои к прялке, и персты ее берутся за веретено... Не боится стужи для семьи своей, потому что вся семья ее одета в двойные одежды» [Притч 31: 10, 19, 21]. Прядение было распространено во всех социальных слоях, включая элиту. Так, в «Одиссее» есть сцена, где Елена Спартанская занимается прядением на пиру, причем описаны драгоценные «орудия труда», полученные ею в подарок от Аלקандры, жительницы Фив (Египет). Последняя

«...одарила богато Елену:

Веретено золотое и ларчик дала на колесах
Из серебра, с золотою каемкой...

... Пряжею полный искусно сработанной;
сверху лежало

Веретено золотое с фиалково-темною
шерстью» [Одиссея, IV, 130-135].

В древности существовала тесная связь в осознании женских функций прядения и продолжения рода, ассоциация нити пряжи с пуповиной, кровным родством, связью поколений: хеттск. *caḡalan* означает «семья», «потомство». Пряжа соотносится с нитью жизни и судьбой: три Мойры прядут нить человеческой жизни, причем имя одной – Клото – означает по-гречески «прядущая». Нить Ариадны спасает жизнь Тесею.

Возвращаясь к археологическим материалам, следует указать, что сакрализация труда путем изготовления символических (нефункциональных) реплик орудий из драгоценных материалов – существенная черта идео-

логии раннеклассовых обществ. Такие вещи визуализировали иерархическую структуру общества, закрепляя ее в сознании людей. Факт их помещения в выдающиеся по богатству погребения лиц высокого социального ранга раскрывает социально-знаковый аспект этих «орудий труда», указывая на важнейшую функцию царя-жреца, который воспринимался как организатор строительных работ и шире – как устроитель и гарант всего общественного порядка в городах-государствах древней Месопотамии, Анатолии и Сирии. Наличие драгоценных реплик орудий труда в погребальных комплексах отражает также основную цель культа мертвых – обеспечение умершим предком (тем более правителем-жрецом, царственной жрицей) благополучия живых потомков, семьи, городской общины, государства в целом. Веретено также находится в этом ряду символически значимых предметов: как орудие труда оно было прочно включено в круг повседневных женских занятий, но фигурировало и в иных, сакральных сферах женской деятельности, прежде всего продолжения рода.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Авилова Л.И. Металл Ближнего Востока. Модели производства в энеолите, раннем и среднем бронзовом веке. – М.: Памятники исторической мысли, 2008. – 227 с.
2. Антонова Е.В. Месопотамия на пути к первым государствам. – М.: Восточная литература РАН, 1998. – 223 с.
3. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. – 507 с.
4. Крамер С. История начинается в Шумере. – М.: Восточная литература РАН, 1965. – 256 с.
5. Мунчаев Р.М. Месопотамия, Кавказ и Циркумпонтийская металлургическая провинция // Российская археология. – 2005, № 4. – С. 8-22.
6. Тэйлор Э. Первобытная культура. – М.: Госполитиздат, 1939. – 426 с.
7. Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. – М.: Издательство политической литературы, 1980. – 542 с.
8. Фюстель де Куланж Ф. Древняя гражданская община. – М.: Т-во И.Д. Сытина, 1903. – 438 с.
9. Эпос о Гильгамеше («О все видавшем») / Пер. И.М. Дьяконова. – СПб.: Наука, 2006. – 212 с.
10. Jackobsen Th. The harps that once ... Sumerian

- poetry in translation. – New Haven: University Press, 1987. – 648 p.
11. Koşay H.Z. Ausgrabungen von Alaca Höyük, Vorbericht 1936. // Turk Tarih Kurumu Yayınlarında. – 1944, Ser. V, № 2a. Istanbul. – 324 s.
  12. Koşay H.Z. Les fouilles d'Alaca Hoyuk. Rapport preliminaire 1937-1939 // Turk Tarih Kurumu Yayınlarında. – 1951, Ser. V., № 5. Istanbul. – 587 p.
  13. Mellaart J. Earliest civilizations of the Near East. – London: Thames & Hudson, 1965. – 237 p.
  14. Moorey P.R.S. Ancient Mesopotamian materials and industries. The archaeological evidence. – Oxford: Oxford University Press, 1994. – 414 p.
  15. Özgüç T. and Akok, M. Horoztepe. An Early Bronze Age settlement and cemetery // Turk Tarih Kurumu Yayınlarında. – 1958, Ser V, № 18. Istanbul. – P. 3-37.
  16. Schmidt H. Heinrich Schliemann's Sammlung trojanischer Altertümer. – Berlin: Verlag Philipp von Zabern, 1902. – 446 p.
  17. Woolley C.L. Ur excavations. Vol. II. The royal cemetery. – London: Oxford University Press, 1934. – 568 p.

УДК 94(510)

Лю Цян

Российский университет дружбы народов (г. Москва)

ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЙ РЕГИОН В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ КИТАЙСКОГО НАРОДА*

Liu Qiang

Peoples' Friendship University of Russia (Moscow)

CENTRAL ASIAN REGION IN THE HISTORICAL MEMORY OF THE CHINESE PEOPLE

Аннотация. В статье анализируется историческая связь Китая и Центрально-азиатского региона и значение изучения взаимоотношений между Китаем и Центральноазиатским регионом. В процессе изучения связи Китая и Центральноазиатского региона необходимо учитывать глубину их исторических связей. Историческая связь Китая и Центральноазиатского региона может не только объяснить прошлое, но и помочь осознать и понять настоящее, а также может быть использована в качестве урока в будущем.

Ключевые слова: Центральноазиатский регион, Китай, шелковый путь, историческая память Китайского народа, Западные земли.

Abstract. The article examines the historical relationship of China and Central Asian region and the importance of studying the relationship between China and Central Asian region. In the process of examining the relationship of China and Central Asia region must take into account the depth of their historical ties. The historical relationship of China and Central Asian region can not only explain the past, but also to help realize and understand the present, and can also be used as a lesson in the future.

Key words: Central Asian region, China, Silk Road, the historical memory of the Chinese people, the Western Lands.

В отношении географических границ Центральноазиатского региона традиционно существовали два подхода, само установление границ было достаточно неоднозначным. Исторически китайцы называли эту территорию «Западные земли». Отметим, что понимание «Западных земель» для китайцев и понимание Центральноазиатского региона в международных масштабах имеет некоторые отличия. «Западные земли» в узком смысле для китайцев означают тер-

* © Лю Цян